

№ 4.22. № 24

XXI. 3. 1.

В. № 11.

№ 1

1906/07

Бесіужевъ - Рюминъ.

С. М. СОЛОВЬЕВЪ 1).

4-го октября 1855 года скончался Грановскій, 4-го октября 1879 года скончался Соловьевъ. Не однимъ только случайнымъ совпадениемъ цифръ эти два имени соединяются въ памяти учениковъ того и другаго; они соединяются преимущественно воспоминаниемъ о томъ блистательномъ времени Московскаго университета, когда онъ былъ центромъ умственной жизни не одной Москвы, но и всей Россіи. Для людей другаго поколѣнія можетъ показаться страннымъ сопоставленіе блестящаго, остроумнаго, живаго Грановскаго съ сосредоточеннымъ, какъ бы суровымъ Соловьевымъ, съ Соловьевымъ, котораго общество привыкло считать представителемъ строго-ученаго, фактическаго знанія, главою школы, основывающейся исключительно на архивныхъ документахъ. Этотъ взглядъ общества и мѣшаетъ оцѣнить Соловьева какъ слѣдуетъ, оцѣнить его съ той стороны, съ которой онъ самъ желалъ быть цѣнимымъ, которою онъ самъ дорожилъ. Помню, разъ, въ засѣданіи Археографической Коммиссіи, собравшемся у покойнаго А. С. Норова, говорили о трудахъ одного очень уважаемаго ученаго, который любилъ выводить свои мысли изъ полного собранія фактовъ и печаталъ свои работы вполне, въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ онъ велъ ихъ. Соловьевъ сказалъ при этомъ: „У кого нѣтъ черновыхъ тетрадей, да кто же ихъ печатаетъ“. Въ другой разъ, бывши у него, я упомянулъ въ разговорѣ о недолговѣчности

(1) Лекція, прочитанная въ С.-Петербургскомъ Университетѣ 3-го ноября 1879 года.

ученыхъ — объ одномъ русскомъ научномъ дѣятелѣ, который сохраняетъ свѣжесть и въ преклонныхъ лѣтахъ и котораго труды еще фактичнѣе: „Развѣ это наука?“ замѣтилъ на это Соловьевъ. Для него, какъ и для Грановскаго, — въ этомъ ихъ самое большое сходство — исторія — наука, по преимуществу воспитывающая гражданина. Для того и для другаго поучительный характеръ исторіи заключался и въ тѣхъ прямыхъ урокахъ, которыми любила щеголять историографія XVIII вѣка и которыми богаты страницы Карамзина, гдѣ выставляются герои добродѣтели, какъ на Монтионовскихъ состязаніяхъ, въ примѣръ для подражанія, чудовища порока, какъ спартанскіе пьяные илоты, въ образецъ того, чего слѣдуетъ избѣгать; нѣтъ, ни тотъ, ни другой незабвенный профессоръ не считалъ исторію „Зеркаломъ добродѣтели“, и каждый изъ нихъ имѣлъ въ виду другую цѣль: они старались воспитать въ своихъ слушателяхъ сознание вѣчныхъ законовъ историческаго развитія, уваженіе къ прошлому, стремленіе къ улучшенію и развитію въ будущемъ; они старались пробудить сознаніе того, что успѣхи гражданственности добываются труднымъ и медленнымъ процессомъ, что великіе люди суть дѣти своего общества и представители его, что имъ нужна почва для дѣйствія; не съ насмѣшкою сожалѣнія относились они къ прошлому, но съ стремленіемъ понять его въ немъ самомъ и въ его отношеніяхъ къ настоящему: „Спросимъ человѣка, съ кѣмъ онъ знакомъ и мы узнаемъ человѣка, — спросимъ народъ объ его исторіи, и мы узнаемъ народъ“. Этими словами Соловьевъ начиналъ свой курсъ 1848 года, когда я имѣлъ счастье его слушать: въ исторіи народа мы его узнаемъ, но только въ полной исторіи, въ такой, гдѣ на первый планъ выступаютъ существенныя черты, гдѣ все случайное, несущественное отходитъ на второй планъ, отдается въ жертву собирателямъ анекдотовъ, любителямъ „курьезовъ и раритетовъ“. Кто такъ высоко держали свое знамя, тѣ вѣрили въ будущее человѣчества, въ будущее своего народа и старались воспитывать подрастающія поколѣнія въ этой высокой вѣрѣ; съ этою то воспитательною цѣлью они держались преимущественно общихъ очерковъ, гдѣ въ мелочахъ не теряется общая мысль. Такимъ былъ всегда характеръ курсовъ Грановскаго, такимъ постепенно дѣлалъ свой курсъ Соловьевъ; но и на первыхъ своихъ шагахъ въ университетѣ онъ уже давалъ много мѣста общимъ соображеніямъ и выводамъ. Соловьевъ умѣлъ цѣнить Грановскаго: „Вы блистательно представили французскія общины“, говорилъ онъ на докторскимъ диспутѣ

Грановскаго, — „которыя разцвѣли пышнымъ цвѣтомъ на страницахъ Августина Тьерри и засушены въ гербаріяхъ нѣмецкихъ ученыхъ“. Но не одно это роднитъ двухъ этихъ нашихъ наставниковъ: сознание тѣсной связи между прошедшимъ и настоящимъ, сознание долга растить въ настоящемъ будущее побуждало ихъ съ сердечнымъ интересомъ относиться къ событіямъ настоящаго: „Листокъ современной газеты“, говорилъ Грановскій, — „также дорогъ для историка, какъ карта, лѣтописи“. Соловьевъ, живя въ мірѣ прошлаго, умѣлъ и скорбѣть о невзгодахъ настоящаго и радоваться его радостямъ: никогда не забуду я той глубокой скорби, съ которою онъ говорилъ о нашихъ неудачахъ въ Крымскую войну, что тогда далеко не было общимъ явленіемъ въ средѣ нашей интеллигенціи. Теперь вамъ понятно, почему я началъ свои поминки о Соловьевѣ сравненіемъ его съ Грановскимъ, съ которымъ такъ странно соединила его случайность кончины въ одинъ день. Перейдемъ же къ бѣглому очерку жизни и дѣятельности Соловьева.

Сергій Михайловичъ Соловьевъ родился 4-го мая 1820 года. Онъ былъ сынъ законоучителя первой Московской гимназіи, гдѣ и получилъ свое первоначальное образованіе. По свидѣтельству его автобіографіи въ „Словарѣ профессоровъ Московскаго университета“, еще въ эту пору онъ началъ интересоваться исторіею; говорятъ, что тогда онъ прочелъ „Исторію Государства Россійскаго“, которая въ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ пробуждала любовь къ Россіи и къ русской исторіи: на ней воспитался Погодинъ, на ней выросъ Соловьевъ; ею зачитывалось поколѣніе первыхъ учениковъ Соловьева. Никѣмъ не замѣненная, она, къ сожалѣнію, заброшена послѣдующими поколѣніями; а между тѣмъ трудно найти книгу, болѣе способную въ гимназическіе годы пробудить и патріотизмъ, и любовь къ исторіи. Недостатки Карамзина незамѣтны въ этомъ возрастѣ, а достоинства его именно приноврелены къ нему: его величавый разказъ поражаетъ воображеніе, а художественное умѣнье выбирать подробности мѣшаетъ забраться скучѣ. Къ сожалѣнію, въ наше время отвѣкли отъ Карамзинскаго языка; раннее знакомство съ народною рѣчью, при всемъ своемъ высокомъ значеніи, имѣетъ одно неудобство: оно насъ слишкомъ отдаляетъ отъ писателей не только XVIII вѣка, но даже и начала XIX. Такимъ образомъ, никѣмъ не замѣненный Карамзинъ утратилъ, быть можетъ, и рано все свое воспитательное значеніе; его читаетъ теперь только специалистъ или какъ пособие, или какъ ма-

теріалъ для характеристики его времени. Не то было, когда учился Соловьевъ, на немъ воспитался и Соловьевъ.

Поступивъ въ университетъ, откуда онъ вышелъ въ 1842 году, Соловьевъ сдѣлался слушателемъ двухъ профессоровъ, которые представляли тогда двѣ враждующія партіи въ наукѣ русской исторіи: онъ слушалъ М. Т. Каченовскаго и М. П. Погодина. Хотя Каченовскій уже перешелъ на кафедру славянскихъ нарѣчій, но ученикамъ его еще писали и самъ онъ на лекціяхъ высказывалъ свои воззрѣнія: „Старикъ уже дряхлѣлъ“, разказывалъ мнѣ какъ-то С. М. Соловьевъ,— „но оживлялся всякій разъ, когда приходилось выражать какое-нибудь сомнѣніе: тогда глаза его горѣли“. Каченовскаго мало помнитъ современность: полной оцѣнки его намъ еще приходится ждать, хотя В. С. Иконниковъ въ своей почтенной монографіи „Скептическая школа“ и собралъ для нея много данныхъ, но лучшимъ, что мы имѣемъ о Каченовскомъ, все-таки остается краткая біографія его въ „Словарѣ профессоровъ Московскаго университета“, писанная Соловьевымъ. Каченовскій отрицалъ первоначальную лѣтопись, „Слово о полку Игоревѣ“, „Русскую Правду“; Погодинъ доказалъ неосновательность его сомнѣній—этимъ почти можно ограничить все то, что извѣстно о Каченовскомъ; а во имя чего Каченовскій отрицалъ, чѣмъ плодотворно было его отрицаніе, почему въ сущности побѣдитель оказывается побѣжденнымъ, это остается показать и доказать. Здѣсь, впрочемъ, не мѣсто слишкомъ много говорить о Каченовскомъ, и мы можемъ сказать только, что въ основѣ его сомнѣній лежала мысль о постепенномъ ростѣ общества: ему казалось, что въ лѣтописяхъ заключаются представленія о состояніи общества болѣе зрѣломъ, чѣмъ то, какое могло быть въ дѣйствительности; въ сущности, Каченовскій отвергалъ не самыя лѣтописи, а выводимыя изъ нихъ толкованія; своими сомнѣніями онъ заставилъ снова пересмотрѣть вопросы, и тѣмъ вызвалъ новое движеніе исторической науки— вотъ важная заслуга Каченовскаго: онъ приучилъ искать въ фактахъ связи, общаго смысла; онъ поднялся надъ „низшею критикою“, водворенною въ нашей литературѣ Шлецеромъ въ „высшей критикѣ“; по словамъ С. М. Соловьева, онъ старался „сблизить явленія русской исторіи съ однохарактерными явленіями у другихъ, и что всего важнѣе, преимущественно у Славянскихъ народовъ“. Съ этой стороны онъ явился предшественникомъ и учителемъ самого Соловьева. Иное дѣло Погодинъ, у котораго были двѣ очень важныя стороны: инстинк-

тивное пониманіе русской жизни и точность ученой изслѣдовательности; это послѣднее качество преимущественно способствовало ему нанести тяжкіе удары Каченовскому и его школѣ; но до общихъ воззрѣній Погодинъ не возвысился и чувствовалъ къ нимъ какой-то ужасъ; съ этой стороны, дѣятельность его была болѣе отрицательная, чѣмъ положительная; оттого большая часть его жизни прошла въ „борьбѣ не на животь, а на смерть“ (заглавіе сборника его полемическихъ сочиненій) съ общими воззрѣніями, появлявшимися въ продолженіе его долгой жизни. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что полемика его была очень полезна для движенія науки: указывая слабыя стороны каждой школы, онъ училъ будущихъ дѣятелей избѣгать крайностей; нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что мѣткія афористическія замѣчанія Погодина, брошенныя имъ въ разныхъ статьяхъ, путевыхъ замѣткахъ и т. п. принесли и принесутъ свой плодъ; но общаго воззрѣнія Погодинъ не создалъ и не могъ создать; а между тѣмъ, общее воззрѣніе было крайне необходимо для объединенія фактовъ, для возможности поступательнаго движенія впередъ. Когда позднѣе Соловьевъ принесъ въ науку это общее воззрѣніе, Погодинъ немедленно вооружился противъ него и почти тридцать лѣтъ сряду былъ его неутомимымъ противникомъ. Во время пребыванія въ университетѣ Соловьевъ еще не опредѣлился и работалъ въ „древнехранилищѣ“ Погодина, гдѣ ему удалось отыскать рукопись, оказавшуюся 5-ю частью исторіи Татищева. Замѣтка его объ этой безымянной рукописи, обстоятельно доказавшая ея принадлежность Татищеву, обратила на себя вниманіе и рукопись была обнародована въ Читеніяхъ общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кончивъ въ 1842 году курсъ, Соловьевъ поѣхалъ за границу: въ Прагѣ онъ завелъ сношенія съ тогдашними корифеями чешской науки, о чемъ, по свидѣтельству одного изъ его некрологовъ, онъ вспоминалъ незадолго до смерти, перебирая только что изданную переписку Погодина съ славянскими учеными; въ Прагѣ Вигель читалъ ему свои записки и сначала увлекъ его своимъ талантомъ: и тогда новая исторія интересовала его не менѣе древней. Въ Парижѣ онъ слушалъ лекціи Мишлэ и помѣстилъ о нихъ замѣтку въ Москвитянинѣ. Въ 1845 г. Погодинъ оставилъ кафедру, и рекомендуя нѣсколькихъ лицъ въ свои преемники, назвалъ и Соловьева ¹⁾. Весною 1845 года Соловьевъ былъ назначенъ

¹⁾ Слышано отъ В. В. Гр., который самъ былъ въ числѣ названныхъ кандидатовъ.

преподавателемъ, выдержавъ предварительно магистерскій экзаменъ. Любопытно, что покойный А. И. Чивилевъ (намъ разказывали современники), заподозривъ Соловьева въ славянофильствѣ, не хотѣлъ пропускать его. Дѣйствительно, въ эту пору Соловьевъ бывалъ въ славянофильскихъ кружкахъ, да и послѣ, расходясь съ ними въ воззрѣніяхъ на европейское просвѣщеніе и Петровскую реформу, онъ сохранилъ много общаго съ ними, преимущественно въ тепломъ религиозномъ чувствѣ, которое всегда его отличало. Ал. Н. Поповъ, бывший живою лѣтописью этого времени, увѣрялъ меня, что магистерская диссертация Соловьева создавалась подъ вліяніемъ разговоровъ въ этихъ кружкахъ. Осенью 1846 году была имъ защищена диссертация: „Отношенія Новгорода къ в. князьямъ“¹⁾. Книгу встрѣтила привѣтливо въ журналистикѣ, тогда ревностно слѣдившей за ученою литературою (я помню въ высшей степени сочувственную статью Отечественныхъ Записокъ); общая надежда тогда обратилась на Соловьева. Позволю себѣ личное воспоминаніе: я помню съ какою жадностью читалъ я тогда эту диссертацию, и какимъ неожиданнымъ свѣтомъ облились для меня событія древней русской исторіи. Нельзя не сознаться въ томъ, что диссертация Соловьева поставила одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ русской исторіи на настоящую почву: сличеніе Новгорода съ средневѣковыми городами, которое тогда было очень въ ходу, стало невозможнымъ, лишь только Соловьевъ показалъ, какъ выросли новгородскія учрежденія на туземной почвѣ, какъ много было въ жизни Новгорода общаго съ жизнью другихъ русскихъ городовъ; остается только еще одинъ шагъ: сближеніе этой жизни съ древне-арійскою вообще и античною въ особенности. Труды А. И. Никитскаго (мы не считаемъ ихъ свободными отъ заблужденій) направлены именно въ эту сторону, въ чемъ ихъ самое важное значеніе; но путь указанъ уже и Соловьевымъ: его теорія старыхъ и новыхъ городовъ основана столько же на извѣстномъ мѣстѣ лѣтописи: „на чемъ старшіе положать, на томъ и пригороды стануть“, сколько и на аналогіи съ античнымъ міромъ. Теорія старыхъ и новыхъ городовъ едва ли можетъ считаться вполне безупречною; во всякомъ случаѣ, она объясняетъ переходъ отъ Киевской къ Суздальской Руси односторонне; тѣмъ не менѣе, мы должны

¹⁾ Замѣчу для бібліографа, что въ отдѣльномъ изданіи нѣтъ приложений, которыя помѣщены при 2-мъ изданіи (въ *Чтеніяхъ*).

признать, что эта остроумная гипотеза сослужила свое дѣло: указала на необходимость найти внутреннюю связь между двумя періодами русской исторической жизни.

Съ 1845 года до настоящаго академическаго года (за исключеніемъ небольшого перерыва) Соловьевъ занималъ кафедру въ Московскомъ университетѣ: всѣ некрологи говорятъ о преподаваніи его въ послѣдніе года, вотъ почему нелишнимъ будетъ припомнить того молодаго профессора, котораго слушали мы въ 1848—1849 годахъ. Соловьевъ въ то время читалъ два курса: общій для словесниковъ III-го и юристовъ II-го курсовъ и специальный для словесниковъ IV-го курса; специальные курсы составляли обыкновенно продолженіе общихъ и представляли подробное изложеніе того періода, на которомъ остановился курсъ общій. Изъ такихъ специальныхъ курсовъ образовались статьи въ Современникѣ: „Обзоръ событій смутнаго времени“ и „Обзоръ царствованія Михаила Ѳеодоровича“. Читавшіе эти статьи не могутъ не пожалѣть, что первая изъ нихъ не была перепечатана: VIII-й томъ Исторіи Россіи, въ которомъ отброшена вся критическая часть, далеко ея не замѣняетъ. Общій курсъ 1848—1849 годовъ начинался понятіемъ объ исторіи, какъ народномъ самосознаніи; затѣмъ, охарактеризовавъ разные виды лѣтописей краткими, но мѣткими чертами, профессоръ переходилъ къ изложенію историографіи, при чемъ останавливался и на запискахъ современниковъ. Изложеніе историографіи кончается на Половѣмъ, о которомъ Соловьевъ выражался, что онъ задумалъ переѣлать Карамзина по Карамзину же. Изложеніе науки начиналось съ всѣмъ извѣстнаго теперь географическаго очерка русской территоріи, вошедшаго въ первый томъ Исторіи Россіи ¹⁾; въ то время этотъ очеркъ былъ совершенной новостью (статья Надеждина въ Библиотекѣ для Чтенія была мало извѣстна); послѣ Соловьева такой очеркъ сдѣлался необходимою принадлежностью каждаго общаго сочиненія по русской исторіи. За географіей страны слѣдовало изложеніе дружинной теоріи происхожденія Варяговъ-Руси, теоріи, на которой, по моему мнѣнію, скорѣе чѣмъ на какой-нибудь другой, можетъ и до сихъ поръ останавливаться историкъ. Событій варяжскаго періода намъ Соловьевъ не разказывалъ, но представилъ прекрасную характеристику дѣятельности первыхъ князей (въ 1846—1847 годахъ онъ разказывалъ и самыя событія, сколько я помню по тетрадкамъ товарищей); изложе-

¹⁾ Раньше онъ появился въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1850 года.

ніе удѣльнаго періода было сокращеніемъ его докторской диссертациі, а Смутное время было изложено по статьямъ, появившимся въ Современникѣ. Помню живо превосходную характеристику Смутнаго времени, какъ эпохи, когда всѣ старыя начала, подавленныя Москвою, возстали, пробовали добиться господства, и потерпѣвъ крушеніе, уступили мѣсто здоровымъ элементамъ, желавшимъ прежде всего порядка и безопасности отъ внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ крамоль. Время первыхъ Романовыхъ и Петра еще представлялось въ бѣглыхъ очеркахъ, первомъ наброскѣ будущей картины. Таковъ былъ курсъ, который слушали съ удовольствіемъ мы, только что выслушавшіе талантливый курсъ К. Д. Кавелина, въ основахъ мало различившійся отъ курса Соловьева, но останавливавшійся преимущественно на бытовой сторонѣ: такъ, у г. Кавелина много мѣста занималъ древній славянскій бытъ, котораго Соловьевъ, выдвинувшій на первый планъ политическую исторію, не касался.

Еще за годъ до того курса, о которомъ я сейчасъ говорилъ, Соловьевъ издалъ свою докторскую диссертацию: „Исторія родовыхъ отношеній между князьями Рюрикова дома“. Основная мысль этой книги и ея главныя заслуги заключаются въ стремленіи найти связь между періодами, и связь не внѣшнюю, а внутреннюю, прослѣдить ростъ русскаго общества и намѣтить смѣну его общественныхъ состояній. Въ предисловіи авторъ возстаетъ на названія періодовъ: удѣльный, татарскій; доказываетъ, что въ первое время не было удѣловъ и что не Татарамъ, а внутреннимъ причинамъ надо приписать измѣненіе въ общественномъ строю Русской земли. Онъ признаетъ два начала, смѣною которыхъ характеризуется время до конца Рюриковой династіи: родовое и государственное; родъ, полагаетъ онъ, разложился подъ вліяніемъ началъ государственныхъ, появленіе которыхъ, по его мнѣнію, объясняется гипотезою о старыхъ и новыхъ городахъ. Вся книга замѣчательна; но въ особенности хороша послѣдняя глава, характеризующая борьбу Ивана Грознаго съ Курбскимъ: въ первый разъ русская исторіографія воспользовалась перепискою этихъ двухъ дѣятелей для характеристики двухъ міровъ, представителями которыхъ они являются. Книга Соловьева вызвала жаркую полемику: первый выступилъ Погодинъ (см. его полемику съ Соловьевымъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за іюнь или іюль 1847 г.) вскорѣ послѣ диспута; затѣмъ появились въ „Современникѣ“ статьи Кавелина (перепечатаны въ сочиненіяхъ). Кавелинъ, вполне сочувствуя

общей идеѣ, приходя въ восторгъ отъ многихъ подробностей, иначе совершенно объясняетъ переходъ отъ родового быта къ государственному; ставя на первомъ планѣ развитіе личности (за которымъ онъ слѣдилъ въ своей статьѣ „Очерки юридическаго быта древней Руси“ въ „Современникѣ“ 1847 г., № 1-й и въ „Сочиненіяхъ“) онъ между родовымъ и государственнымъ началами ставилъ начало семейное, отъ котораго идетъ вотчинное; этимъ послѣднимъ онъ объяснялъ вотчинный характеръ Московскаго государства. Замѣчательно, что Соловьевъ, никогда не вдававшійся въ полемику, считъ нужнымъ на лекціяхъ изложить свои возраженія г. Кавелину.

Посреди своихъ работъ университетскихъ, Соловьевъ находилъ время слѣдить въ критическихъ статьяхъ за выдающимися явленіями исторической науки: въ тогдашнихъ журналахъ (Московскомъ городскомъ листкѣ, Отечественныхъ Запискахъ) появилось довольно его критическихъ статей¹⁾, а также и очерковъ разныхъ вопросовъ; въ числѣ этихъ послѣднихъ настолько же, какъ „Очерки смутнаго времени“, замѣчательны „Очерки исторіи Малороссіи“, тоже заслуживающія перепечатанія: здѣсь впервые представлена критика малороссійскихъ лѣтописей, преимущественно „Исторіи Руссовъ“, и высказанъ замѣчательный взглядъ на казачество. Въ 1850 году Соловьевъ прочелъ (одновременно съ Грановскимъ, Шевыревымъ и Гейманомъ) четыре публичныя лекціи, содержаніемъ которыхъ было установленіе государственнаго порядка въ Россіи. Эти лекціи представляютъ краткую, но мѣткую характеристику развитія Московскаго государства. Умѣнье излагать ясно, точно и сжато, часто даже очень оживленно, составляло всегда отличительную черту изложенія Соловьева: все туманное, неопредѣленное было чуждо его природѣ. Посреди этихъ работъ зачинался тотъ его трудъ, съ которымъ навсегда связывается его имя въ исторіи русскаго просвѣщенія: въ 1851 г. появился первый томъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. Названіе, заимствованное отъ Татищева, было данью уваженія къ этому замѣчательному историку, котораго память онъ очистилъ отъ многихъ нареканій (см. статью въ Архивѣ историческихъ и юридическихъ свѣдѣній), и въ которомъ онъ умѣлъ цѣнить практическое самообладаніе, ясно

¹⁾ Почти полный списокъ составленъ Е. Е. Замысловскимъ и помѣщенъ уже въ *Журн. М. Н. Пр.* Еще полнѣе списокъ, составленный Н. А. Поповымъ. Въ *Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ.*

высказавшееся въ томъ, что онъ приготовилъ связанный матеріалъ для исторіи, но самой исторіи не писалъ, не поддаваясь увлеченію литературнаго изложенія. Этою чертою самъ Соловьевъ сближается съ Татищевымъ, ибо, подобно своему знаменитому предшественнику, онъ старался сдѣлать только то, что возможно, и ясно сознавалъ, что многое такое еще могутъ сдѣлать историки въ будущемъ, чего при настоящемъ состояніи науки сдѣлать еще нельзя.

„Исторія Россіи“, которая, къ сожалѣнію, не дописана, какъ не дописана „Исторія Государства Россійскаго“ навсегда останется важнѣйшимъ памятникомъ русской исторіографіи за свое время. Главная ея цѣль высказана въ первыхъ строкахъ предисловія: „Не дѣлать, не дробить русскую исторію на отдѣльныя части, періоды, но соединять ихъ, слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ, не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодействіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію — вотъ обязанность историка въ настоящее время, какъ понимаетъ ее авторъ предлагаемаго труда“. Еще въ началѣ своей дѣятельности Соловьевъ провозгласилъ высокое начало: исторія есть народное самосознаніе, и остался ему вѣренъ во все продолженіе своего труда. Для Карамзина исторія есть прагматическое изложеніе событій, главная цѣль котораго поучительные примѣры; въ этомъ отношеніи Карамзинъ оставался вѣренъ своему времени: такъ понимали исторію великіе историки XVIII вѣка; изобразить внѣшній ростъ государства, внѣшнее распространеніе просвѣщенія и благосостоянія — ихъ единственная задача; при исполненіи этой задачи на первомъ планѣ стоитъ личность, и изображеніемъ личности преимущественно и занимались эти историки; сознаніе о постоянной смѣнѣ общественныхъ состояній преимущественно развилось въ началѣ XIX вѣка и популяризировалось великими французскими историками. Имъ хотѣлъ подражать Полевой; но ему не доставало ни матеріала, ни подготовки для того нужной, ни времени. Онъ только высказалъ мысль, но даже не замѣтилъ того, что при тогдашнемъ изученіи матеріала исполненіе было невозможно. Каченовскій вызвалъ къ критикѣ матеріала, показалъ куда надо направить усилія; а съ другой стороны, Эверсъ указалъ отличительныя черты первоначальнаго быта, основы его. На путь, открытый ими, вступилъ Соловьевъ, а съ нимъ рядомъ и вслѣдъ за нимъ другіе. Если мы теперь не при-

знаемъ теории родового быта во всей ея исключительности, то не можемъ однако не признать, что въ ней были первыя попытки связать все явленія русской исторіи въ стройное цѣлое, и что попытка эта не въ видѣ намековъ, указаній и т. п., а въ цѣломъ стройномъ знаніи, сдѣлана Соловьевымъ. Отъ этой попытки поидетъ впередъ русская историографія, она составляетъ основаніе для дальнѣйшаго движенія русской мысли, а въ значительной степени и жизни, поскольку жизнь будетъ сознавать, что настоящее—дѣтя прошедшаго. Позволю себѣ повторить здѣсь слова, сказанныя мною въ другомъ мѣстѣ¹⁾: „Высокая мысль, высказанная такъ давно, еще не перешла въ общественное сознание, но должна когда-нибудь перейти, должна стать руководительнымъ маякомъ и государственнымъ людямъ, и представителямъ мысли и слова, и всѣмъ, кто такъ или иначе участвуетъ въ общественномъ движеніи. Если исторія народа есть его самосознаніе, то слѣдовательно, народъ въ своей исторической жизни постепенно раскрываетъ свои нравственныя свойства; стало быть, чуждыя вліянія только будятъ то, что спало въ немъ; стало быть, личности являются только представителями той степени общественнаго сознанія, которая имъ современна, и могутъ сдѣлать не болѣе того, что возможно при данномъ положеніи; стало быть, состоянія общественныя находятся между собою въ прямой зависимости: одно вытекаетъ изъ другаго, и въ общемъ, каждое вноситъ что-нибудь новое, то-есть, вызываетъ къ дѣятельности такую сторону народной жизни, которая или совсѣмъ не выступила впередъ или выступала очень слабо; но вызвать новое можно только тогда, когда въ обществѣ сознательно или бессознательно живетъ уже потребность въ обновленіи той или другой стороны общественной жизни. Вотъ почему историческія явленія не спадаютъ съ неба, а приготовляются длиннымъ рядомъ явленій, иногда понятныхъ только послѣ того, какъ совершилось уже событіе, ярко кидающееся въ глаза и освѣщающее то, что ему предшествовало. Въ проведеніи нити развитія черезъ всю русскую исторію заключается одна изъ важнѣйшихъ заслугъ громаднаго труда Соловьева“. Мы назвали трудъ его громаднымъ; этою характеристикю высказывается то впечатлѣніе, которое прежде всего зарождается въ чело-вѣкѣ, только что приступившемъ къ чтенію книги Соловьева, оно же остается еще болѣе угрѣбшимся и послѣднимъ впечатлѣніемъ чело-

1) *Русская Старина*, 1876 г.

вѣка, долго и пристально изучавшаго этотъ трудъ. Чѣмъ болѣе человекъ самъ занимался, тѣмъ болѣе онъ знаетъ цѣну времени, матеріальнаго и умственнаго труда, затрачиваемаго на продолжительную, многолѣтнюю работу, тѣмъ съ большимъ благоговѣніемъ останавливается передъ подобнымъ произведеніемъ, тѣмъ яснѣе понимаетъ онъ — какою силою воли, какимъ самообладаніемъ долженъ былъ быть одаренъ человекъ, такъ продолжительно, такъ неуклонно работавшій. Человекъ, знакомый съ трудами подобнаго рода, поражается равно массой и физическаго, и умственнаго труда. Конечно, великою заслугою Соловьева было то, что онъ систематически обзрѣлъ сокровища нашихъ архивовъ за все изученное имъ время и ввелъ въ науку такъ много новаго матеріала, преимущественно съ той эпохи, на которой остановился Карамзинъ; важность этой заслуги увеличивается еще тѣмъ, что у Соловьева не было ни Малиновскаго, ни Калайдовича, ни А. Тургенева, помогавшихъ Карамзину и указаніями, и выписками; но еще важнѣе заслуги умственныя: Соловьеву удалось освѣтить своею идеей не только то время, которое было описано Карамзинымъ, и гдѣ онъ имѣлъ уже критически осмотрѣнные и приведенные въ связь факты, но и то время, въ изученіи котораго онъ не имѣлъ себѣ предшественниковъ, и гдѣ ему самому приходилось и собирать матеріалы, и оцѣнивать ихъ, и оцѣнивать значеніе самыхъ событій: три работы эти рѣдко соединяются вмѣстѣ, и каждая изъ нихъ порознь можетъ доставить извѣстность труженику. Мы знаемъ, что имъ поняты не только удѣльный періодъ, возвышеніе Москвы, Іоанны III и IV, Смутное время, но и связь времени первыхъ Романовыхъ со временемъ Петра, значеніе самого Петра (укажу въ особенности на блистательныя „Публичныя лекціи о Петрѣ“), Елизавета, Екатерина и ея политика. Мы знаемъ, что внѣшняя политика Александра дала ему содержаніе для цѣлаго особаго сочиненія, какъ прежде развитіе польскаго вопроса вызвало его на изложеніе „Исторіи паденія Польши“, которая въ настоящее время является необходимымъ дополненіемъ не оконченной имъ исторіи Екатерины II; въ послѣднее время вниманіе его првлекала дипломатическая дѣятельность царствованія Николая Павловича (см. статьи въ Древней и Новой Россіи и въ Вѣстникѣ Европы). Общія характеристики лицъ и событій, а равно и изложеніе дипломатическихъ сношеній, составляютъ всѣмъ извѣстное достоинство исторіи Соловьева, но у нея есть и другая сторона: она представляетъ значительно обильный матеріалъ для пониманія

общественной жизни въ разныхъ эпохи; въ первыхъ томахъ этотъ матеріаль группируется; въ послѣднихъ онъ помѣщается погодно, ибо какъ матеріаль новый онъ еще трудно поддавался группировкѣ. Не надо забывать также и того, что къ изученію древняго періода исторіи встрѣчалъ значительныя пособія въ разныхъ монографіяхъ, для новаго онъ былъ почти лишенъ этого пособія, за исключеніемъ развѣ монографій литературныхъ; вотъ почему можетъ отчасти отдѣль литературы и полнѣе, и обработаннѣ въ трудѣ Соловьева, чему, конечно, помогло и самое его образованіе: онъ не былъ ни юристъ, ни политико-экономъ, чего, впрочемъ, никто и не могъ отъ него требовать.

Прошло почти тридцать лѣтъ со времени появленія перваго тома „Исторіи Россіи“. Наука историческая сдѣлала съ тѣхъ поръ много успѣховъ, и Соловьевъ слѣдилъ за нею неуклонно: вопросы общеисторическіе постоянно занимали его (такъ онъ помѣстилъ въ Вѣстникѣ Европы свои „Размышленія надъ историческою жизнью народовъ“, тамъ же недавно было содержаніе его курса, читаннаго въ Петербургѣ въ тѣсномъ кружкѣ; не разъ онъ писалъ статьи по поводу иностранныхъ сочиненій: Фруда, Лорана, Ланфрея; издалъ „Курсъ новой исторіи“, весною 1879 года говорилъ онъ мнѣ, что переглядѣлъ всѣ путешествія по внутренней Африкѣ, ища въ нихъ свидѣтельство о бытѣ первоначальныхъ народовъ, но испыталъ разочарованіе, ибо встрѣтилъ болѣе свѣдѣній о животныхъ и растеніяхъ, чѣмъ о человѣкѣ; при этомъ онъ выразилъ надежду, что антропологія, не смотря на то, что теперь она часто заблуждается, все-таки вызоветъ болѣе вниманія къ человѣку. Слѣдя за движеніемъ науки, Соловьевъ уже не могъ пересматривать своихъ первыхъ томовъ: ему нужно было идти впередъ. Сдѣлано имъ такъ много, что, конечно, никто не сочтетъ себя въ правѣ исвать того, чего онъ сдѣлать не могъ. Прибавимъ еще, что онъ никогда не скрывалъ пробѣловъ въ нашихъ знаніяхъ и не старался придать цѣльность тому, что въ сущности не имѣло ея. Самое важное обвиненіе, съ которымъ онъ обращался къ историкамъ-литераторамъ, при чемъ прежде всего имѣлся въ виду Карамзинъ, состояло въ томъ, что они даютъ много мѣста фантазіи. Стремленіе къ научности изложенія онъ доводилъ иногда до крайности; но нельзя не сознаться въ томъ, что забота о красотѣ разказа отвела бы его далеко отъ главной цѣли, и мы, можетъ быть, не имѣли бы и половины того, что мы имѣемъ.

Карамзинъ писалъ когда-то Тургеневу: „Жить есть, не писать исторію, не писать трагедію или комедію, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать, любить добро, возвышаться душою къ его источнику: все остальное, любезный мой пріятель, есть шелуха“. Я убѣжденъ, что тоже могъ бы сказать Соловьевъ. Его идеаль жизни былъ строго исполненіе долга: въ одномъ изъ некрологовъ разсказывается, что когда совѣтъ университета выбралъ его въ ректоры, Соловьевъ отвѣтилъ: „принимаю, потому что трудно“ и сумѣлъ согласить свои занятія ректорскія съ занятіями учеными и также строго отнестись какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ. Онъ былъ всего болѣе требователенъ къ самому себѣ и строго неуклонимъ въ исполненіи своихъ обязанностей: въ этомъ отношеніи онъ опять напоминаетъ Татищева, который говаривалъ: „На службу не навязывайся, отъ службы не отказывайся“. Выработавъ свой характеръ суровымъ и постояннымъ трудомъ надъ самимъ собою, приучивъ себя къ непрерывному, неуклонному труду, приучившись сдержанно относиться къ другимъ и никогда не терять собственного достоинства: такъ онъ почти никогда не вступалъ въ полемику и никогда не вмѣшивалъ въ ученый споръ личныхъ отношеній, — Соловьевъ выработалъ себѣ твердыя и неуклонныя убѣжденія, которыхъ онъ уже ни за что бы не уступилъ. Въ періодъ шатанія умовъ Соловьевъ представляетъ поучительный примѣръ: разъ сложившіяся убѣжденія, плодъ долгихъ размышленій, постоянно руководили его, какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни. Убѣжденія свои онъ высказывалъ прямо и просто при всякомъ случаѣ; такъ, по поводу книги Лорана, которая показалась ему способною увлечь многихъ, онъ высказалъ свой взглядъ на христіанство, и этому взгляду онъ оставался вѣренъ всегда: религіозность составляла одно изъ отличительныхъ его свойствъ; но эта религіозность не веда его къ нетерпимости, а только возвышала его взглядъ. Замѣчательно, что во многомъ расходясь со славянофилами, онъ сходился съ ними во взглядѣ на православіе и протестантизмъ: его оцѣнка Лютера въ „Курсѣ новой исторіи“ могла быть подписана и каждымъ изъ славянофиловъ. Сходился онъ съ ними и въ любви къ Россіи, и въ вѣрѣ въ историческое призваніе Русскаго народа, хотя и расходился въ оцѣнѣ реформы Петра: но, дѣля западную науку, онъ зналъ и ея недостатки, и конечно, не менѣе славянофиловъ понималъ вредъ чистаго материализма.

Мы жалуемся, что у насъ нѣтъ характеровъ, а вотъ еще недавно

жилъ между нами человекъ съ твердымъ характеромъ, всю жизнь свою посвятившій службѣ Русской землѣ; мы жалуемся, что у насъ нѣтъ ученыхъ, а вотъ только что сошелъ въ могилу человекъ, мѣсто котораго въ ряду величайшихъ ученыхъ XIX вѣка. Почтимъ же его память пожеланіемъ, чтобы жизнь его, когда онъ найдетъ себѣ полную оцѣнку, послужила примѣромъ и поощреніемъ будущимъ поколѣніямъ; пожелаемъ также, чтобы эти будущія поколѣнія учились у него не только умѣнью понимать источники, но и умѣнью выработывать характеръ.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Дозволено цензурой. С.-Петербургъ, 12-го января 1880 года.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 90—1.

земля нежилы были, возделывалась же третьими хозяйствами, что видно
 сего похозяйственного учета Русской землей, на которой это у нас
 нѣтъ никаких, а есть только это соображеніе, потому что
 который въ виду величайшихъ убытковъ XIX вѣка. Показано же это въ
 нѣтъ похозяйства, иной жанаго, тогда она выдѣлаетъ свои похозяйства
 однимъ, послѣдняя принадлежность и похозяйствамъ будущимъ похозяйствамъ.
 похозяйствамъ также, тогда въ будущемъ похозяйствамъ у него въ
 только умѣнно похозяйствамъ, но и умѣнно похозяйствамъ въ

II. Похозяйства-Пожизненно

Издано похозяйствамъ, С. Петербургъ, 15-го января 1880 года
 Типографія В. С. Балашова, Ревельскій яванскій, № 30-1